

Г.С. БАТЫГИН

**«ДОБРОДЕТЕЛЬ» ПРОТИВ ИНТЕРЕСА
(ЗАМЕТКИ ОБ ОТРАЖЕНИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ)***

БАТЫГИН Геннадий Семенович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологических исследований АН СССР. Автор монографии «Обоснование научного вывода в прикладной социологии» (1986). Постоянный автор нашего журнала.

Не мышь ворует, а нора.
Шолом-Алейхем

Закон об индивидуальной трудовой деятельности, принятый в ноябре 1986 года, вступил в силу. Впервые за многие десятилетия юридически подтверждено, что индивидуальная трудовая деятельность в СССР используется для более полного удовлетворения общественных потребностей в товарах и услугах, для повышения занятости граждан общественно-полезной деятельностью, получения ими дополнительных доходов в соответствии с затратами своего труда. Принятие такого закона — не рядовое событие. Он ломает привычные стереотипы, уравнилельные представления о социализме, вносит весомый вклад в дело более эффективного использования человеческого фактора и в этой мере может существенно повлиять на характер общественного производства в целом.

Индивидуальная и кооперативная трудовая деятельность — уже не эксперимент, но еще не факт. Окажется ли закон общим пожеланием, которых у нас и без того достаточно, или откроет новые резервы повышения народного благосостояния? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Требуется внимательный социологический анализ практики применения закона, путей его вхождения в жизнь и, прежде всего, упреждающего устранения препятствий на этом пути. Одно из них — накопленные в массовом сознании предубеждения против индивидуального труда и личной материальной заинтересованности. Между тем речь идет о проблеме более масштабной, поскольку нет непреходимой границы, разделяющей индивидуальную трудовую деятельность и труд в общественном производстве. В конечном счете, любая человеческая деятельность индивидуальна, и общественные интересы только тогда получают наивысшее развитие, когда они сочетаются с интересами индивидуальными. Такое сочетание — необходимое условие здоровой экономики, открывающей все возможности для реализации трудового потенциала личности.

* Статья публикуется с любезного согласия главного редактора «Социологических исследований» члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко. — *Прим. ред.*

Индивидуальная трудовая деятельность рассматривается обычно сторонниками запретительных мер как отклонение от социалистических принципов общественной организации. Логика их рассуждений проста... Возможность «свободных» заработков ослабит коллективизм и стремление к бескорыстному труду на благо родины, подорвет веру в идеалы коммунизма, нарушит морально-политическое единство советского народа и руководящую роль КПСС, создаст социальную базу для реставрации мелкобуржуазных настроений. Апелляция к высшим ценностям нашего образа жизни служила и будет служить неоспоримым аргументом при оценке и выборе путей социально-экономического развития. Однако при ближайшем рассмотрении легко убедиться, что мы имеем дело с подменой тезиса. Под коллективизмом и бескорыстием на деле подразумевается обычная уравниловка, под морально-политическим единством — бездумная преданность начальству, а под идеалами коммунизма — мир показного благополучия, еще недавно заставлявший не верить в то, что видишь собственными глазами.

Идеологию запрета, как правило, не интересуют конкретные социальные процессы. Еще никто с фактами и цифрами в руках не опроверг высокой экономической эффективности индивидуального и кооперированного труда. Наоборот, экономическая заинтересованность безо всякой логики, а только с помощью апломба превращается в альтернативу идеологической благонамеренности. Результат применения такой схемы предопределен: лучше пусть все будут бедными, но равными. Ответственность же за последствия политического фразерства «запретители» не несут — уровень незыблемой «сущности» избавляет от необходимости решать конкретные проблемы. Философы и социологи обычно не дают рецептов. А рецепты сегодня необходимы.

Отклонения от принципа социальной справедливости прежде всего обусловлены несоответствием сложившегося распределительного механизма новой социально-экономической ситуации. Нарушения законности и советской морали — обратная сторона мелочной бюрократической регламентации и ошибок в системе планирования. Индивидуальный и кооперированный труд — альтернатива не социалистическим производственным и идеологическим отношениям, а бесхозяйственности и бюрократическому единообразию.

Социальная болезнь

У меня на столе — сотни писем¹. Рабочие, колхозники, пенсионеры,

¹ Выражаю благодарность редакции «Литературной газеты» за предоставленную возможность ознакомиться с письмами читателей. Насколько этот массив представлен? Использовать письма в газету для изучения массового сознания — дело, по меньшей мере, рискованное, и не потому, что здесь неизбежны систематические смещения. Сколь бы

студенты, ученые, руководители организаций и предприятий размышляют о распределительной политике, роли материального вознаграждения, предлагают конкретные меры избавления нашего общества от рецидивов накопительства и «вещизма» и факты, факты, факты... Письма раздумчивые, осуждающие, восторженные, злые, озабоченные, назидательные, и нет ни одного похожего на другие. Но почему-то поражает их единообразие, монолитная одномерность: позицию абсолютного большинства авторов можно выразить бьющим, как удар кнута, словом «пресечь». В этом я вижу признак эпидемии серьезного социального заболевания, заболевания хронического и требующего длительного лечения. Имя ему — «запретомания».

«Привет московским буржуям», — начинает свое письмо В. Русаков из г. Сухой Лог и выдает сокровенную тайну возмущенной добродетели: мир расколот на бедных и богатых, эксплуататоров и эксплуатируемых. Критерий ясен — трудом праведным не наживешь палат каменных. Отсюда простая, апробированная санэпидслужбой методика лечения нашего общества от заразы — «выморить!».

Было время, когда недостатки знали свое место: в конце соответствующего текста, после констатации существенных успехов и выявления определенных резервов. Разумеется, все недостатки были отдельными. Стратегия обновления, призыв партии развернуть критику и самокритику, называть вещи своими именами поддержаны самыми

внушительной ни была сумма индивидуальных наблюдений, социальная целостность ускользает от дискретного анализа «в силу несводимости используемых содержательных индикаторов, а также общей противоречивости, “разорванности” этого сознания, включающего в себя порой несовместимые друг с другом высказывания, образы, настроения и т. д.» [2, с. 133]. Б.А. Грушин считает, что «задача решается с достаточной надежностью и четкостью, когда мы переходим от отдельных «точек» массового сознания к его более или менее обширным «полям», т. е. прибегаем к определенному интегрированному измерению множества дискретных характеристик сознания. Последняя операция совершается с помощью специфических, преимущественно теоретических средств анализа» [там же]. Из этого я и буду исходить при отражении распределительных отношений в массовом сознании на основе писем в «ЛП». Важно отметить, что в данном случае массив писем являет собой результат своеобразного естественного самоотбора контингента, представители которого относятся к газете как социальному институту, органу власти; это и есть основание, почему они идентифицируют себя с «целым». Это довольно многообещающая специфическая черта контингента авторов, и именно здесь пролегает граница возможных смещений от генероупности. Поэтому я ни в коей мере не утверждаю, что массовое сознание — это сознание общее. Напротив, его выразители составляют достаточно специфическую группу лиц, хотя и немалую по численности.

широкими массами. Разоблачающие материалы буквально не сходят с газетных полос. Открытое возмущение бюрократами, взяточниками, любителями легкой наживы становится подчас признаком хорошего тона и прогрессивного мышления. Но не пора ли оглянуться и поразмыслить над тем, что критика грозит превратиться в некий развлекательный и, как ни парадоксально, в докучливый жанр словесности. Ведь гласность и демократизм — нечто большее, чем резонерство на ранее запрещенную, а теперь разрешенную начальством тему. Более того, «гиперкритицизм» куда как удобен тем, кто палец о палец не ударил, чтобы изменить дело к лучшему. «Мы смело и принципиально проанализировали имеющиеся недостатки...» — новый вид демагогии.

Мы много говорим о человеческом факторе перестройки, необходимости выполнять плановые задания, о чувстве хозяина, о социалистической справедливости. Но как только дело доходит до индивидуальной заинтересованности в конечных результатах, мы тут же окружаем ее красными флажками запретов. Причем сегодня, когда в социалистическом обществе окончательно преодолены антагонизмы, идет мирная созидательная работа по обновлению общественных отношений, первым врагом психологии запрета становится «частный собственник», под которым разумеется и расхититель материальных ценностей, и владелец приусадебного хозяйства, и бабуся, продающая морковку у станции метро, и звезда эстрады (слухи о ее умопомрачительных богатствах идут волнами), и вообще тот, кто «имеет», преследует свой личный, а не общественный интерес.

Пожалуй, единственное, в чем психология запрета находит оправдание богатству, — это высокая должность, официальный статус. Положено, и все тут! В остальном же она принимает вид возмущенной добродетели, поскольку так уже повелось, что за добродетель легче всего выдать нужду.

Запретительные эмоции полностью сосредоточены на справедливости распределения и совершенно безразличны к производству общественного богатства. Когда на скамье подсудимых оказываются, например, так называемые шабашники, вкальывавшие не за страх, а за деньги и получавшие их с чистой совестью, обывателя в первую очередь интересует: сколько? А узнав, он с благородным негодованием восклицает: «Ух ты!». И никогда не задумается о хозяйственном расчете, о выгоде². Пуще того, воинствующая добродетель, в стократ

² Далеко идущие размышления вызывает факт, приводимый О. Лацисом. Одних индивидуальных жилых домов в стране строится примерно 16 млн квадратных метров в год. А государственных организаций, берущих подряд у индивидуального застройщика, почти нет. Большинство нанимает строителей частным образом. Таким способом

усиленная запретительными инструкциями, а то и просто административным произволом, смело идет на огромные экономические потери во имя своих субъективистских представлений о социальной справедливости и чистоты общественных нравов. Сегодня, надеюсь, не уничтожаются плодовые деревья на приусадебных участках и не перепахивается урожай, но только после Указа 1986 года о борьбе с нетрудовыми доходами шлагбаумы на дорогах и требования справок о том, что «не вор» привели к неисчислимым потерям народного — именно народного! — добра. Ответственность же за эти потери никто не несет. Подумаешь — убытки. Зато «частнособственнические инстинкты» заглушили.

Почему вся сила негодования обрушивается на тех, кто «имеет», почему псевдосоциалистическая добродетель спокойна, когда лень и благодушие успешно сочетаются с бедностью? Есть нюанс, конечно, не объясняющий этиологию «запретомании», но помогающий распознать это социальное заболевание. Антонио Грамши сидел в одной камере с отчаянным экстремистом, сверхреволюционером, борцом за правду и справедливость. Когда-то он имел лавку, но разорился, и теперь одна мысль жгла его ежечасно: «Почему не мне? Почему не мне?». Я далек от того, чтобы сводить дело к зависти и неудовлетворенному корыстолюбию, однако во многих — даже искренних! — рассуждениях о справедливости довольно прозрачно выражено недовольство лишь тем, что «кто-то имеет». Вот письмо, касающееся в общем-то нейтральной темы справедливости лотереи, где фортуна, как известно, подчиняется закону случайных чисел. Москвич, инженер-программист С. Пистуннов, пишет:

«В спортлото я играю уже более пяти лет. Этот вид организации досуга *завоевал* большую популярность среди широких групп трудящихся и имеет важное значение для дальнейшего развития массовости советского спорта. Вместе с тем он отстает от растущих требований народа и нуждается в коренном совершенствовании. Например, брат моей жены (следуют фамилия, имя, отчество) после того, как я ему рассказал о своем увлечении, от фонаря пошел и выиграл пять

выполняется в год строительных работ на миллиарды рублей [18, с. 78]. По оценке И.Г. Костакова и В.М. Рутгайзера, общее число людей, подрабатывающих в сфере шального обслуживания, доходит до 17–18 миллионов. Объем услуг, оказываемых в «теневой» сфере обслуживания населения, достигал в середине 80-х годов миллиардов рублей [17]. Значительно ниже оценивает контингент занятых индивидуальным трудом в этой сфере А. Шохин. Он называет цифру 1,7–2,0 млн [31]. При этом в городах за счет индивидуальной трудовой деятельности осуществляется 50% от общего объема ремонта обуви, 45% ремонта квартир, 40% ремонта автомобилей, 30% ремонта сложной бытовой техники [там же, с. 30].

тысяч, в чем проявилась совершенная несправедливость, так как я систематически занимаюсь этим видом на основе расчетов, а он на выигрыш даже не надеялся. Конечно, здесь случайность, но нельзя пускать важное направление на самотек. Вношу предложение: учитывать при игре в спортлото игровой стаж участников, ввести специальные удостоверения общества любителей спортлото».

Да, обидно, но ничего не поделаешь. Видимо, есть высшая справедливость — деньги сваливаются, когда на них не надеешься.

Ограничиться более или менее отчетливым «снимком» уравнительных настроений — значит сказать полуправду. Неизмеримо более сложное дело — объяснить социально-исторические причины перекоса в массовом сознании, генезис и воспроизводство психологии запрета. Таких причин, на мой взгляд, две. Первая связана с влиянием административно-волевых методов управления на духовную атмосферу страны, формированием специфического типа массового сознания — однородного и непроницаемого для малейшего сомнения в единожды установленной схеме. Культ централизации и единообразия еще многие десятилетия назад создал для себя человеческий материал, скрепленный готовностью к жертве во имя «всеобщего», неуместностью правовой защиты индивидуальных интересов («щепки летят!») и страхом — страхом перед собственной безжалостной схемой, но еще более перед новым и инородным. Этот человеческий материал был невообразимо жесткий и при этом хрупкий и беззащитный (рассказывают, что многие восприняли разоблачение культа личности Сталина как крах жизненных идеалов, своей веры). Сегодня рецидивы страха, укорененного в социальной памяти поколений, и являют себя в виде психологии запрета.

Вторая причина обусловлена тем, что линия XX съезда партии на демократизацию общественной жизни не получила в свое время полной и последовательной реализации. Вплоть до середины 80-х годов в стране распространялись коррупция, хищения в особо крупных размерах, различного рода злоупотребления властью и должностные преступления. Правоохранительные органы оказались неспособными противостоять этим тенденциям. Процесс социальной деформации был приостановлен с началом апрельского курса КПСС на революционное обновление социализма, однако длительный застой продолжает оказывать серьезное воздействие на обыденное сознание. Возросший уровень благосостояния и культуры советских людей, интенсивный обмен информацией создали своего рода неофициальное социальное пространство, где сформировался сильный потенциал общественной критики. Критическая направленность мнений и оценок людей рассматривается сегодня партией как важный резерв и условие успеха на пути перестройки. Однако в этом же социальном пространстве, пронизанном идеями борьбы за справедливость, стали интенсивно развиваться

«шлагбаумная» психология, патологические рецидивы насилия, ксенофобии и даже тоталитарные настроения (как ни удивительно, прежде всего в молодежной среде).

Не перечислить всех симптомов «социальной болезни», но главный из них я назову еще раз. «Запретоман»-обличитель всегда считает себя социально здоровым, а распространителем заразы — другого. И. Сердюк из Биробиджана так и пишет: «Пора окончательно уничтожить бациллы стяжательства, распространителей буржуазной заразы». Ищут врага?

Ищут врага

Как формируется обвинение? Примечательна здесь убежденность массового сознания в том, будто по *величине* зарплаты можно судить о справедливости или несправедливости дохода. Каков социально-экономический механизм их получения — неинтересно, так как главное доказано — «много». Следовательно, преступно. Каждому юридически грамотному человеку ясно, что величина дохода отнюдь не доказательство нетрудовых приобретений, она не является и прямой уликой. Двухэтажная дача в лучшем случае не противоречит версии о том, что ее владелец хапуга, но сиротские брюки и сорокарублевая зарплата подпольного миллионера подпадают под этот же логический принцип. Сторонники «раскулачивания» часто говорят о степени вероятности: дескать, тот, кто много имеет, в 90 случаях из 100 вор. Надо его прощупать, пусть-ка докажет, что он не вор. А если не сумеет доказать, то к ногтю его, отнять дачу, «Жигули» и телевизор, да отдать бедным, но честным. Один из фундаментальных принципов права, без которого и моральные оценки превращаются в произвол, — презумпция невиновности — здесь почему-то уходит из поля зрения. Забывается, что обязанность доказывать лежит не на подозреваемом, а на обвинителе. Никаких справок — в принципе! — владелец сколь угодно большого имущества представлять не обязан. Сбор сведений — дело обвинения.

Разумеется, обосновать обвинение часто бывает нелегко. Вроде бы ясно — сажать надо, но увы! Закон на стороне — не преступника! — подозреваемого: не доказано, что виновен, следовательно, доказано, что невиновен. Работник милиции переживает: поймали мажорного взяточника на месте преступления, и взятодатель здесь же стоит, признается. Вроде полный ажур для следствия. Не тут-то было. Задержанный спокойно достает из кармана заявление на имя районного прокурора и утверждает, что собрался уже сообщить о происшедшем. «Оперы», конечно, удручены, да ничего не поделаешь. Закон освобождает от уголовной ответственности заявившего о получении или даче взятки до задержания. Думают: ну, погоди! А сделать ничего не могут — ЗАКОН. Тот, кто дал, «проходит» по статье 173 УК РСФСР.

Эта ситуация возмутительна для сторонников жестких мер. Как? Отпустить преступника? Действительно, им все ясно, потому что воинствующая добродетель живет обвинением тотальным и бескомпромиссным, не признающим никаких презумпций, никаких гарантий против того, что карающий меч опустится на невиновного. Лес рубят — щепки летят. Вновь и вновь массовое сознание воспроизводит этот зловещий «аргумент», с глаз Фемиды падает повязка, она начинает заранее видеть в человеке преступника. Не противоречащие обвинению факты обретают в ее — открытых! — глазах силу доказательств.

Попробуем разобраться в аргументах сторонников «раскулачивания», большинства среди авторов писем. Особое возмущение вызывает факт, что в «одной республике» 3% вкладчиков имеют по 20 тыс. и выше. Приводятся расчеты, доказывающие невозможность честным путем накопить столько денег, и опять факты, факты, призывы «пресечь». Меньшая часть авторов приводит соображения, что 20 тыс. можно накопить и честным трудом. И только единицы, человек шесть—семь (почти все юристы!) написали, что количество денег на сберкнижке не может служить свидетельством справедливости или несправедливости распределения.

Вообще ажиотаж вокруг «сказочных богатств» в немалой степени обусловлен феноменом страха. «Нам мало ужасов, которые приходят с экрана или с книжных страниц, мы и в жизни ищем таинственного и зловещего,— пишет О. Чайковская.— Этот коктейль, составленный из любопытства, подозрительности, а также надежды получить свою порцию страха,— смесь очень острая, едкая, она представляет собой немаловажный социально-психологический феномен» [4, с. 236].

В массовом сознании преобладает огульно-вероятностный подход к борьбе с нетрудовыми доходами. Характерный тому пример — мнения участников дискуссии о кандидате экономических наук, пытавшемся на страницах «ЛГ» доказать, что 3% «богатых» могут быть порядочными людьми [5]. Только за это ему инкриминируются страшные грехи. «Агенту наших советских буржуев» предлагают «спуститься с Олимпа» и войти в «доверительные отношения» (?) с «массой простых людей», «отдать свои капиталы народу», требуют выгнать его из Академии наук за измену идеалам марксизма-ленинизма. Лексика знакомая, особенно старшему поколению советских обществоведов. Но это еще полбеда. Вот письмо Н. Азаровой, пенсионерки из Москвы (имеет два высших образования, проработала всю жизнь в солидных министерствах и ведомствах союзного значения): «Ничего общего личные деньги (накопленные в чулке), драгоценности, золото, машины, меха, ковры, роскошная мебель не имеют с национальным богатством страны. Эти люди обворовывают государство и честных людей, такие вещи невозможно нажить честным

путем! Что смотрели редакторы и цензура, пропуская такую антисоветскую статью?»

Нельзя не согласиться с А.С. Ципко, который пишет, что «левая фраза и ныне подчас находит поддержку в общественном сознании. До сих пор среди населения бытует уравнилельная трактовка коммунизма, сформировавшаяся в условиях конфискации и распределения богатства имущих классов» [3, с. 4].

Далее. Трудовые деньги часто смешиваются с трудными деньгами. В этом отношении характерно мнение А.К. Запольского, сотрудника Физического института АН СССР им. П.Н. Лебедева. Ссылаясь на крупный научный авторитет, он пишет: «*Никто* в стране не выполнял более трудоемкой и в то же время квалифицированной работы, чем сталевар, а потому никто *не должен* в условиях социализма получать более высокую зарплату, чем он... Речь идет о введении истинной оплаты по труду». Было бы наивно спорить о том, кто заслуживает большей зарплаты, сталевар, артист или ученый, но совершенно необходимо опровергнуть весьма распространенное мнение, что деньги раздает кто-то «сверху», сообразуясь с тяжестью труда или иными мотивами. Напомню элементарную экономическую истину: деньги платят (по крайней мере, должны платить) за общественно признанный результат труда. Работа бывает нелегкой и при этом дурной, бессмысленной, если ее реальный продукт никому не нужен. Он не имеет потребительской стоимости, а следовательно, и стоимости. Труд просто нельзя рассматривать отдельно от общественной потребности в его конечном результате, в том числе от спроса. Но если мы будем рассуждать, не *забывая* азбуки политэкономии, станет ясно, что оплата шахтерского труда, профессорских лекций, стояния на рынке, сочинения статей зависит не только от их тяжести, но главным образом от спроса на данные виды труда и предложения трудовых ресурсов.

Многие же почему-то полагают, будто экономические реалии, в том числе цены, зависят от идейно-нравственного уровня продавца, и дороговизна на рынке обусловлена слабой наглядной агитацией.

«Все идейные люди осудят и тех творческих работников, которые слишком высоко ценят свой творческий труд, как например, Алла Пугачева, — пишет учитель из Москвы Т.В. Василевская. — Сожалею о другом: официальная цена билетов на ее концерты так мала, а желающих так много, что я, видимо, никогда не смогу купить в кассе билет и послушать певицу. А “доставать” неохота».

Все мы думаем над тем, как исправить ситуацию в сфере распределения жизненных благ, переломить неблагоприятные тенденции. И здесь особенно важен выбор средств достижения этой цели. Не могу согласиться с Л.М. Русиновой из Минска, что бороться с нетрудовыми доходами надо «всеми средствами». Надо ли составлять «социальные

паспорта крупных вкладчиков», как предлагает профессор кафедры научного коммунизма гуманитарных факультетов МГУ, доктор философских наук Г.А. Белов? Имеет ли смысл вводить такие высокие налоги, чтобы было неповадно использовать индивидуальную трудовую деятельность для личного обогащения (В.М. Брызгунов, Владимирская область)?

Последнее предложение требует особенного внимания, поскольку существующая практика налогообложения полностью перекрывает воздух индивидуальному труду (точнее, легализованным его формам), — тот воздух, которого и так не хватает³.

Складывающаяся сегодня реальная ситуация дает повод поставить вопрос о социально-экономических функциях налоговой политики. В принципе налог является средством обеспечения *взаимной* экономической заинтересованности государства и индивидуального производителя (этим налог отличается от насильственных поборов, дани, «ясака» и т. п.). Величина же налога отражает меру взаимной заинтересованности.

О чем же свидетельствуют существующие нормы налогообложения индивидуального труда? Разрешив его юридически, мы поставили фискально-бюрократический шлагбаум. Совершенно очевидно, что государство (а значит, все мы) только проиграет от такого рода ограничений. По сути, они противоречат статье 9 «Закона об индивидуальной трудовой деятельности», которая гласит: «Размеры налогов устанавливаются в зависимости от суммы получаемых доходов и с учетом общественных интересов». Общество не только не получит тех денег, которые могло бы получить в виде налога, но и лишится

³ Когда закон еще не вступил в силу, вопрос о налогах активно обсуждался. Были опасения, что налоги станут тормозом для нового социально-экономического начинания. Р. Лифшиц писал: «Размер налога и плата за патент не должны быть чрезмерными, иначе мы просто задушим зарождающуюся индивидуальную трудовую деятельность, а общество в ней заинтересовано... *Сейчас* нужно, чтобы Минфин СССР и другие государственные органы проявили мудрость в определении размеров налога и платы за патент, чтобы индивидуальная трудовая деятельность была выгодной для всех и для каждого» [7, с. 29]. Каков результат дебатов? Налог не взимается с дохода, не превышающего 70 руб. в месяц. Годовой доход 3 тыс. руб. облагается налогом в размере 11,1%, 4 тыс. — 13,3%, 6 тыс. — 22,3%, свыше 6 тыс. — 65% [6]. Проявили ли Минфин СССР и другие государственные органы мудрость? В условиях огромного платежеспособного спроса указанные нормы, несомненно, сыграют роль ограничителя легализованных форм индивидуального труда. Над мудростью здесь возобладал страх: как бы чего не вышло, как бы не обогатились сверх меры некоторые чересчур оборотистые «слои»!

потенциально огромной массы товаров и услуг. Будет воспроизводиться дефицит и, следовательно, нетрудовые доходы. А что мы играем? Ровным счетом ничего. Зато ощущаем удовлетворение, что вовремя пресечено стремление к обогащению отдельных лиц и слоев, — пусть лучше мне плохо будет, лишь бы тебе хорошо не было. «Запретомания» не сдает позиций.

Обратимся к иному примеру. С середины 70-х годов, когда в Венгрии возникла необходимость поощрять индивидуальный труд, сумма выплачиваемых ремесленниками налогов сократилась на 200 млн форинтов⁴. В 1980 г. введены 5–40-процентные налоговые скидки в зависимости от доходов; были освобождены от уплаты подоходного налога при обороте до 1 млн форинтов киоски по продаже табака, газет, мелких товаров; при обороте до 2 млн — кондитерские, молочные, булочные и т. п.; при обороте до 3 млн — буфеты, работающие на заводах и в учреждениях, продуктовые и комиссионные магазины; при обороте до 4 млн — гостиницы, пансионы, кемпинги. В результате принятых мер число ремесленников и мелких торговцев стабильно растет [8].

Думается, что первые шаги индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности в нашей стране не могут дать ощутимого эффекта без активной поддержки государства. Целесообразно не только освободить на первые год–два «частников» от налогов, но и предоставлять им кредит на льготных условиях, осуществлять страхование коммерческой деятельности, которая немыслима без риска. Если же воспринимать налоги как дань, накладываемую на «антиподов», как «ясак», выплачиваемый зарвавшимся перерожденцами, а налоговую политику как систему репрессий, то мы будем платить за такую «справедливость» слишком дорогую цену.

Эффективная борьба с нетрудовыми доходами может вестись только средствами экономическими. Прав В. Никуляк из Донецка: «Мы должны быть уверены, что если человек имеет больше, чем мы, он лучше нас работал, а не обкрадывал нас». Такую уверенность гарантирует только экономика, избавленная от устаревших запретов. Тогда не будет причины вспоминать страшную поговорку «Лес рубят — щепки летят».

Бой с тенью

Нет сомнения, нетрудовые доходы можно было бы полностью пресечь. Такие мероприятия в истории известны, и сегодня аналогичные проекты предлагаются в изобилии. Вот фрагменты «комплекса мер», разработанного заместителем начальника отдела одного научно-исследовательского института А.М. Исмиевым:

⁴ По официальному курсу Госбанка СССР 100 форинтов равны 5 руб. 65 коп.

«Граждане СССР приобретают имущество в соответствии с установленным перечнем, только с учетом прожиточных расходов на каждого члена семьи... Имущество и сбережения, не подтвержденные официальными (отметим это слово. — Г.Б.) трудовыми доходами по результатам проверки государственных органов, конфискуются. Сокрытие имущества и накоплений рассматривается как кража... Поручить Минфину СССР провести инвентаризацию имущества каждой семьи и сопоставить его стоимость с официальными доходами семьи за последние десять лет».

Автор по-своему прав: «игра стоит свеч, резко сократятся спекуляция, туеядство, бродяжничество, воровство». Однако сомневаюсь, чтобы репрессии сделали всех людей честными и счастливыми. Мы знаем и, видимо, еще будем узнавать о страшных преступлениях против человечества, которые совершались ради его же блага, к чему приводили попытки силой «осчастливить» народы⁵.

Читая письма, я вдруг с удивлением обнаружил, что большинство авторов понимают под нетрудовыми доходами доходы, не санкционированные официально, не предусмотренные Документом. Массовое сознание во всем уповает на ВЛАСТЬ — всеобъемлющую внечеловеческую силу и прочно убеждено, что негативные явления происходят от того, что системой административного контроля не охвачен

⁵ Психологическая архитектура этого типа мировосприятия, который стоит за попытками принудить людей к справедливости, если не исчерпывающе, то точно обозначена М.К. Мамардашвили: «Мы обычно предполагаем (это очень наглядно видно в просветительстве, во всяких волюнтаристских манипуляциях с социальной материей, в идее “нового человека”, которая одна из самых глупых и трагических в XX веке и примером которой может быть фраза “писатели — инженеры человеческих душ”), что как существование самого вопроса о том, каков человек в определенном состоянии, в определенном бытии, так и ответ на этот вопрос есть привилегия кого-то другого, который лучше самого этого человека может знать, что хорошо этому человеку, а что плохо. И поскольку и тот и другой (например, и воспитуемый, и воспитатель) приобщены, согласно классической посылке, к одной и той же цепи бытия, которая однородна по всему пространству и допускает перенос знания, то “знающий” может перенести знание решительными действиями в жизнь другого, кроить и перестраивать ее. Если будет сопротивляться, то, как говорил Чернышевский, 70 тысяч голов не жалко для установления истины, кому-то ясной за других (с тех пор масштабы “не-жалкого” несопоставимо и чуть ли не космически возросли). Отсюда фантастическое развитие своего рода торжествующей социальной алхимии. И, конечно, алхимическое претворение “социального тела” в непосредственное царство божье на земле, естественно, должно обращаться к массовому насилью, потому что люди обычно сопротивляются этому и не дают себя “тащить в истину”» [9, с. 68–69].

еще какой-то крохотный участок жизни. Это упущение надо исправить, перекрыть оставшиеся лазейки, и все, наконец, наладится.

«Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Административно-правовые предписания, регулирующие процесс обращения и обмена, остаются либо практически бездействующими (например, регламентация поднайма жилья), либо претерпевают нехитрую социальную метаморфозу, приобретают превращенную форму и материализуются в ценах, ложатся на плечи потребителя, — экономика не знает пустоты!

Решение проблемы усматривается массовым сознанием в централизации социального управления. Так, во многих письмах предлагается создать Госкомитет по индивидуальной трудовой деятельности и возложить на него контрольные функции. Существует почти аксиоматическая убежденность, что создание «единого центра», поднятие дела «на государственный уровень» приведет к устранению «стихийности», которая и есть источник всех и всяческих бед. При этом считается очевидным, что централизованное и бюрократизированное единообразие функций, жесткая и детальная подконтрольность «нижестоящих» «вышестоящим» содержат значительно большие возможности эффективного управления, чем кажущееся стихийным разнообразие жизни⁶. Только на первый взгляд децентрализованная «стихийность» действует, как говорится, без руля и без ветрил. На самом деле законы экономического обращения более неотвратимы, чем самые строгие предписания сверху. Поэтому, уповая на власть, нельзя забывать, что она не всесильна.

Не требуется квалификации ни социолога, ни экономиста, чтобы понять: самая искренняя преданность идеалам справедливости, нетерпимость к антиподам советской морали может обернуться бумерангом и больно ударить, причем со стороны, с которой удара вроде бы и не ждешь. Нетерпимость должна идти рука об руку с реализмом, знаниями и ответственностью. Именно об ответственности перед людьми за проекты официального «осчастливливания» хотелось бы напомнить сторонникам жестких мер. Думаю, в ходе перестройки хозяйственного механизма и формирования сбалансированной экономики вмешательство административных органов в экономическое поведение должно уменьшиться. Многие их функции будут осуществляться в рамках самоуправления.

⁶ С высокой степенью определенности оценка такого рода проектов сформулирована А.И. Стреляным: «Любой законченный, строго выдержанный проект посписочного, “помимоденежного” распределения, что бы ни думал о нем сам его автор, будет проектом всеобщей безалаберщины и безответственности, карьеризма, склок и лицемерия, проектом общества, где каждый стремился бы сделать меньше, но получить больше, и в итоге остановился бы рост производства, захирела бы наука и техника, начала бы вырождаться культура» [10, с. 592].

А с тем ли врагом мы боремся? Может быть, мы ведем бой с тенью, а настоящий враг скрыт от взгляда воинствующей добродетели, отчасти потому, что сидит внутри размахивающего кулаками борца за справедливость?

Не слишком ли просто получается: у кого нет совести, тот подхалтуривает, заламывает бешеные цены на рынке, в общем, гонится за длинным рублем. А простые, честные люди живут скромно, трудятся на совесть и о богатстве, если и думают, то о богатстве общественном, а не личном. Такова схема, которая прочно укоренилась в массовом сознании. Возмущаются, как правило, превышением нормы доходов, но есть и обратная сторона медали, на которой хорошо прорисовывается профиль реальной проблемы. Я имею в виду ситуацию, когда добросовестные, умеющие работать, даже талантливые люди не только не получают соответствующего вознаграждения за результаты своего труда (порой уникальные!), но вынуждены с невероятными усилиями пробиваться через бюрократические барьеры. Многие из них подлинны энтузиасты, и это, казалось бы, хорошо. Но когда обнаруживается, что их работа якобы не нужна, энтузиазм начинает граничить с назойливостью. Взять, например, область, которая мне хорошо знакома — академическую общественную науку. Как много здесь работающих талантливых людей, практически не имеющих шансов на продвижение в «табели о рангах». Беда в том, что они — милые, забавные чудаки — занимаются наукой, а не продвижением в науке, делом тонким, требующим осведомленности в особых «правилах игры». Переход на новую систему аттестации только усилил, как сказал бы Дарвин, противоестественный отбор. Можно привести немало примеров, когда авторы выдающихся изобретений попадали в положение бедных просителей и сутяг. За такой энтузиазм стыдно. Стыдно, что впустую продолжает растрачиваться интеллектуальный потенциал страны. Причина тому не в недомыслии (все, о чем я говорю, тривиально), а в искусственном разрыве цепочки экономической заинтересованности между производителем и потребителем. Горько и обидно видеть в телепередаче «Это вы можете» мастеров-умельцев, демонстрирующих свой талант любителям технической экзотики. Платить бы им деньги, и немалые. Увы, не покупают их труд и идеи наши ведомства. Изобретения нужны людям, но не нужны ведомствам. Такие вот дела.

Пойдем дальше. Рассмотрим совершенно законный вид доходов, которые называются зарплатой. Конечно, они трудовые? В целом — да, но нас интересуют частности. Как показывают социологические исследования, до трети трудового потенциала расходуется у нас впустую⁷. Можно ли считать — опять же в среднем — треть суммарных

⁷ По данным В.Д. Патрушева, только внутрисменные потери рабочего времени достигают 15–20%, а вместе с целодневными потерями 25–30%.

выплат из государственной кассы трудовыми доходами? Оставим пока вопрос без ответа. Другой вариант: предприятие гонит телевизоры, каждый четвертый из которых превращает своего владельца в озлобленного клиента гарантийной мастерской. До сих пор у нас официально нарушаются официальные права потребителя и гарантируется не безотказная работа аппарата, а возможность якобы бесплатного ремонта, отнюдь не бесплатного для службы быта и, следовательно, для нас с вами: стоимость ремонта мы оплачиваем в момент покупки телевизора. Спросите обладателя красивого и безмолвного «ящика» — трудовые ли доходы у его изготовителей? Он не скажет уверенно, что у него похитили 700 рублей путем санкционированного обмана. Если бы такими делами занималась «фирма» — смешно предположить! — она бы пошла по миру. Перед нами пример *официального псевдотрудового дохода*, который покрывается за чужой счет — деньги из ничего не возникают.

Мы видим: тень частника мало-помалу начинает растворяться, и за воинствующе-добродетельным туманом прорисовывается профиль настоящего врага. Это бесхозяйственность, несбалансированность спроса и предложения, неумение зарабатывать (а не получать) деньги. В отличие от «бессовестного» частника, который не скрывает своих намерений поживиться, но, как правило, не обманывает (невыгодно это), санкционированные псевдотрудовые доходы наносят прямой ущерб интересам граждан.

Нам еще предстоит обеспечить действенную правовую защиту интересов продавца и покупателя независимо от их официального статуса и степени «обобществления» или «огосударствления» продукта. Размышляя о «Районных буднях» Валентина Овечкина, А. Стреляный пишет: «Это книга о том, что “мы совсем забыли простое, благородное слово “купил”. Только и слышно: “достал”, “добыл”, “вырвал”, “отхватил”...» [12]. Таковы реалии внеэкономической регуляции экономического поведения, приводящие к утрате материальной ответственности индивида и возникновению парадоксального, фантастического типа собственности — собственности, которая никому не принадлежит.

Необходимой, а может быть, и достаточной предпосылкой экономической ответственности (в социологии она чаще обозначается как «чувство хозяина») выступает отношение к собственности как к своей, а не как к чужой или ничьей. В этом плане чувство собственника, под которым я имею в виду бережливость и рачительность, заботу о своем, не противостоит коллективизму, а являет своеобразный «момент» общественного интереса. Разумеется, сказанное справедливо лишь при условии реального, а не декларированного совпадения

Это означает, что при установленной законом 41-часовой рабочей неделе имеет место 30-часовая неделя [11, с. 28].

индивидуальных и общественных интересов. XXVII съезд КПСС сформулировал идею, принципиально важную для марксистско-ленинского учения о собственности: отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда [1, с. 39]. При отсутствии сочетания экономических интересов «общественная собственность нередко воспринимается людьми как нечто абстрактное, как всего лишь юридическая форма. Отсюда и отношение к ней, как к “казенной”, “ничьей”», — отмечает Л.И. Абалкин [13].

Причины распространения и упрочения уравнилельных стереотипов в массовом сознании коренятся не только в пропагандистских клише. Сама реальность, сложившиеся производственные отношения диктовали уравнилельный принцип распределения. Нельзя не сказать, что уравниловка гарантировала своеобразную уверенность в завтрашнем дне независимо от результатов труда, уверенность, рассчитанную не только на «русский авось», но и фактическую безнаказанность. Объективно уравниловка являла собой превращенную форму личной заинтересованности в условиях «ничьей» собственности, форму перераспределения трудовых доходов, а точнее, изъятия их у высококвалифицированных работников и передачи малоквалифицированным. О справедливости здесь говорить наивно, хотя стоило бы поговорить, поскольку в основе ее искажений — подмена хозяйственного расчета морализаторством в пользу бедных. Оглянемся вокруг. Сплошь и рядом основную массу работы везут на себе немногие «избранные». Почему? Да нипочему, просто характер у них такой. Им доверяют, наваливают еще, ценят и уважают, а платят всем сестрам по серьгам, чтоб без обиды, по справедливости. И не приходит в голову, что перераспределяются-то деньги не абстрактно-ничьи — таких не бывает, — а заработанные этими «избранными» трудягами.

Главное, что мешает обновлению, — это прочно вошедшие в общественное сознание стереотипы приоритета обезличенно-государственных начал над индивидуально-повседневной жизнедеятельностью людей. Мы привыкли к тому, что личное приносилось в жертву общественному и благодаря этому страна смогла выдержать величайшие испытания. Сегодня мы получили возможность воплощать в жизнь принцип *единства* личного и общественного, но вошедший в «социальное подсознание» императив самоограничения и аскетизма диктует «возвышенный» взгляд на мир, в том числе в сфере трудовой этики, где бескорыстие и самоотверженность продолжают противостоять «презренному» материальному интересу⁸.

⁸ Роль «благородных», «добродетельных» мотивов трудовой деятельности детально изучена И.М. Поповой и соавторами [14].

Сегодня перемены в общественной оценке материального благосостояния несомненны, но вновь и вновь мы встречаемся с ностальгией по внеэкономическим стимулам труда. О. Спасов в статье с характерным названием «Красный процент» [16] пеняет на то, что «Философский словарь» содержит сведения об энтропии и энциклопедистах, а об энтузиазме — ни слова, хотя, по мнению автора, это одно из важнейших понятий в истинном и научном коммунизме. Возмущен он также тем, что в БСЭ слову «энтузиазм» выделено в восемьдесят раз меньше строк, чем слову «энтропия». Не буду сопоставлять энтузиазм и энтропию, выяснять, что важнее. Энтузиазмом — этим не стимулированным порывом, встряхивающим бездушный механизм экономики — мы восхищаемся. Вместе с тем без рационального хозяйственного расчета и действительного стимулирования энтузиазм напоминает бурю в некоем эфирном пространстве. По крайней мере, строить экономическую жизнь на энтузиазме более чем наивно. Часто приходится видеть, как кипучий энтузиазм превращается в фарс⁹.

Противостояние долга и склонности, интереса и добродетели, бедности и богатства уходит своими корнями в историю цивилизации. Парадоксальная альтернативность этого противостояния удивительно отчетливо показана Николаем Носовым в одном из эпизодов книжки «Приключения Незнайки и его друзей». Чтобы получить волшебную палочку, Незнайке нужно было совершить три добрых поступка подряд. Казалось бы, что проще! Однако в полном соответствии с учением Иммануила Канта («Высокое достоинство долга не имеет ничего общего с наслаждением жизнью») поступок квалифицировался как добрый тогда и только тогда, когда Незнайка не преследовал личного интереса. Здесь заключалось непреодолимое для малыша препятствие, — например, он помог Растеряйке найти шапку,

⁹ Беспощадное препарирование этого феномена мы находим у Андрея Платонова. В «Ювенильном море» пастух Климент говорит: «Ты стараешься все по-большому, а получается одна мелочь-сволочь. Ты скотину питаешь во как, я сам траву жую, прежде чем скотину угощаю, а отчет мне показывают — по молоку недоборка, а по говядине скотина рость перестала!.. На центральном гурте взяли сорок рабочих всякого пола из колхоза, по сговору, — мне два помощника, два умных на глаз мужика досталось. Что же такое?! Ходят они, бушуют и стараются — я сам на них пот щупал, — все на моем гурте как было плохо, так стало еще хуже... Недосмотрю сам — скотина стоит в траве голодная, а не ест: непоеная! А мужики мои аж скачут от ударничества, под ними волы бегом бегут, а куда — неизвестно, кликнешь — они назад вернутся, прикажешь — тужатся, проверишь — проку нет. Это что такое, это откуда смиренное охальство такое получается? Злой человек — тот вещь, а смирный же — ничто, его даже ухватить не за что, чтобы вдарить!..» — «У нас классовая борьба», — тихо сказала Босталоева» [15, с. 73–74].

но к несчастью, вспомнил, что имеет в этом личную заинтересованность. В этой и других похожих ситуациях поступок терял свою нравственную ценность.

А нельзя ли предположить, что рациональная расчетливость, материальный интерес и стремление к благополучию — вовсе не альтернатива добродетели?

Может быть, имеет смысл задуматься над словами Лютера: если хочешь быть бедным, не надо стремиться к богатству, но если хочешь быть богатым, берись за плуг и выбивайся сам из земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
2. *Грушин Б.А.* О социальной природе массового сознания // *Общественные науки.* 1986. № 6.
3. *Ципко А.С.* Концепция «единообразия» в условиях перестройки // *Социол. исслед.* 1986. № 4.
4. *Чайковская О.* Пиковые дамы // *Новый мир.* 1986. № 10.
5. *Лисичкин Г.* Благотворительность из чужого кармана // *Лит. газета.* 1986. 19 февраля.
6. *Правда.* 1987. 24 апреля; 25 апреля.
7. Труд индивидуальный — польза общая // *Коммунист.* 1986. № 18.
8. *Глинкина С.П.* Индивидуальная трудовая деятельность (опыт ВНР) // *Социол. исслед.* 1987. № 1.
9. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
10. *Стреляный А.* Социализм мысли против «социализма чувства» // *Лисичкин Г.С.* Тернистый путь к изобилию. М.: Сов. писатель, 1986.
11. *Патрушев В.Д.* Возможные изменения в использовании бюджетов времени // *Социол. исслед.* 1982. № 1.
12. *Стреляный А.* «Районные будни». К тридцатилетию выхода в свет // *Новый мир.* 1986. № 12.
13. *Абалкин Л.* Полный хозяйственный расчет // *Правда.* 1986. 12 декабря.
14. *Сознание и трудовая деятельность.* Киев: Вища школа, 1985.
15. *Платонов А.* Ювенильное море // *Знамя.* 1986. № 6.
16. *Спасов О.* Красный процент // *Нева.* 1985. № 11.
17. *Советская культура.* 1987. 8 января.
18. *Лацис О.* Индивидуальный труд в современной социалистической экономике // *Коммунист.* 1987. № 1.
19. *Шохин А.* Индивидуальная трудовая деятельность: проблемы и перспективы // *Полит. самообразование.* 1987. № 2.